

БУНТОВЩИЦА

ПРОЗА

ЕЛИЗАВЕТЫ

АЛЕКСАНДРОВИЧ-ЗОРИНОЙ

ЕЛИЗАВЕТА
АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА

ТРИ
СЕМЕРКИ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А46

Оформление серии *С. Власова*

Фотография автора *И. Полярной*

Иллюстрация на обложке *Н. Ларина*

Александрова-Зорина, Елизавета Борисовна.

А46 Три семерки : сборник / Елизавета Александрова-Зорина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Бунтовщица. Проза Елизаветы Александровой-Зориной).

ISBN 978-5-699-92186-7

«Он не видел снов, не мучился воспоминаниями, не знал, кто он и откуда, а жил так, словно родился утром, а умрет вечером...» Так описывает Елизавета Александрова-Зорина героя своего рассказа «Прощай, друг», вошедшего в сборник «Три семерки». Ничем не примечательный персонаж — объект пристального внимания автора и в этот раз. Елизавету Александрову-Зорину интересуют те, для кого жизнь неподъемно тяжела и любое самое незначительное происшествие может стать роковым. Не важно, что произошло с человеком — заблудился ли он в глухой деревне или волею случая стал свидетелем убийства, — он жертва и преступник, преступник и жертва... Эти маленькие люди, придавленные обстоятельствами и увязнувшие в них, отчаянно нуждаются в помощи. Автор сборника, не задавая прямых вопросов «кто виноват?» и «что делать?», вызывает о помощи вместе с ними...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова-Зорина Е., текст, 2016
© Полярная И., фотография на обложке, 2016
© Ларин Н., иллюстрация на обложке, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92186-7

РАЗВИЛКА

Метель началась утром, когда Баграмов еще не сбился с пути и надеялся к полуночи вернуться в Москву. Маршрут был незнакомым, но навигатор подсказывал: «поезжайте прямо», «держитесь правой стороны», пока вдруг не отключился. На развилке Баграмов свернул налево и теперь сомневался, правильно ли сделал, слишком узкой и заброшенной выглядела дорога. Густели сумерки, снег валил и валил без устали. Дворники не справлялись, мотор несколько раз внезапно глох, хотя бак был почти полон, и Баграмов, чертыхаясь, пытался разглядеть у обочины дороги указатель, залепленный снегом. Выйдя из машины, он долго отскребал с него наледь, пока не прочитал: «Яма» — и это показалось ему дурным знаком.

Ветер забивал снегом глаза, и разглядеть что-либо было невозможно. Потирая замерзшие руки, Баграмов вернулся в машину. Отыскав в бардачке старую, порванную на сгибах карту, он попытался отыскать «Яму» или что-нибудь

похожее на нее, но так ничего и не нашел. Похоже, он окончательно потерялся. Мобильный не ловил, навигатор по-прежнему не работал, и Баграмов решил ехать наугад, надеясь добраться до «Ямы», где можно было бы переждать непогоду.

На одном из поворотов мотор опять заглох. Баграмов закурил, слушая, как ветер воет страшным голосом и ломится в салон машины, словно грабитель. Снег залепил окна, так что внутри стало темно. Баграмов поежился: легкий страх рассыпался по спине мурашками, а неприятный холод сковал живот. Резко повернув ключ, словно надеясь на чудо, Баграмов попытался завести мотор, но машина не подала признаков жизни. Достав фляжку, он отхлебнул коньяка, натянул дубленку, обмотался длинным шарфом и вышел на дорогу.

По обе стороны раскинулось поле, кое-где чернели стволы деревьев, и на горизонте, сквозь снежную завесу, можно было разглядеть огни. Или они только мерещились ему? Баграмов откинул капот, поковырявшись, захлопнул его и, вернувшись в машину, попытался позвонить. Но мобильный по-прежнему не ловил сеть. В салоне было холодно, и чтобы согреться, Баграмов допил коньяк, от которого поплыло перед глазами. Достав плед, завернулся в него, решив пересидеть метель, и, дрожа от мороза, вскоре задремал. Но быстро проснулся, стуча зубами от холода. Он еще раз попробовал завести машину,

однако мотор молчал. Проверил мобильный, но антенна не отображалась, а батарейка была на нуле. Баграмов со злостью отшвырнул телефон в сторону, и тот упал между сиденьями.

Было темно, снег завалил машину так, что в окна, заросшие изморозью, нельзя было ничего разглядеть, и он, испугавшись, попробовал открыть дверь. Но она не поддавалась. Он долго толкал ее, однако из-за снега, который подпирал дверь снаружи, смог сделать лишь небольшую щель, слишком узкую для его плеч. Пришлось скинуть дубленку, и только после этого он с трудом протиснулся в проем и выбрался наконец наружу.

Метель утихла, снег сверкал под яркой луной и слепил глаза. Вокруг было тихо-тихо, и Баграмов слышал, как пищит в салоне телефон, сигнализируя о севшей батарейке. Заваленная снегом, машина напоминала сугроб, дорогу замело по колено, и у него был нехитрый выбор: замерзнуть, ожидая помощи неизвестно откуда, или идти по заваленной снегом дороге неизвестно куда, туда, где ему привиделись огни. Может, эти огни и есть «Яма»?

Он хотел достать папку с документами, ради которых поехал в такую даль, бумажник и ключи, чтобы закрыть машину, однако дверь примерзла и не открывалась. Где-то заухала сова, словно смеялась над ним. Оглядевшись, Баграмов никого не увидел и решил, что ему послы-

шалось. Вначале он шел быстро, проклиная снег, в котором вязли нывшие от усталости ноги, затем сбавил шаг, все чаще стал останавливаться, чтобы передохнуть. Белый, отливавший синевой снег лежал ровным полотном, а над ним нависало черное небо, и Баграмову казалось, будто земля перевернулась и теперь была сверху, а небо — под ногами. Он не знал, сколько времени шел, час, два или больше, и как далеко осталась машина. Он чувствовал, что руки окоченели, а ноги, не гнущиеся в коленях, уже не слушаются его.

Ночь выцветала и стала белее, как кофе, в которое плеснули молоко. Баграмов шел, покачиваясь от усталости, уже не веря в то, что по-прежнему идет по дороге. Может, он все еще брел через поле, которое в конце концов закончится лесом? Может, его найдут лишь весной, когда стает снег? Вокруг не было ни огонька, только высились, протыкая небо, столбы электропередач и тянулись от них обмороженные провода.

Деревня, притулившаяся за оврагом, появилась внезапно, будто выпрыгнула из-под снега. Вдоль единственной улицы тянулись дома, в окнах которых не горел свет. Собаки не лаяли, людей не было видно, и невозможно было понять, живет ли здесь кто-нибудь. Деревня выглядела заброшенной, и Баграмов решил, что сможет укрыться в одном из домов, где, разведя огонь,

переждет непогоду. Но за одним из покосившихся заборов, за которым можно было разглядеть латаную крышу, вдруг проснулась собака. Наверное, пес был старым, он не лаял, а как будто сипло кашлял, нехотя, через силу, словно больной старик, схаркивающий в платок. Баграмов разглядел калитку, на которой был криво прибит почтовый ящик, и постучал, но стук был таким тихим, что его вряд ли услышали. Он покричал, но никто не отозвался, а пес затих.

В другом доме он заметил свет от свечи или фонаря, мелькнувший в глубине комнаты. Отломив сосульку, Баграмов запустил ее в окно, но промазал. Отыскав ледышку покрупнее, он бросил ее и наконец попал в стекло. Залаяла собака, и, подхватив ее лай, залаяли и другие. Баграмов хотел крикнуть, но только едва слышно просипел: «Есть кто-нибудь?» — и упал лицом вниз.

— Ты чьих будешь? — спросил хриплый голос. Сильные руки, обхватив, перевернули Баграмова. — Откуда взялся, а?

Его опять бросили в сугроб. Не в силах пошевелиться, он лежал и слушал быстро удаляющиеся шаги и скрип снега. Затем он уснул, провалившись в забытье, вмерзая в снег, а когда очнулся, его уже волокли по земле, положив на бычью шкуру.

— Ты кто? — нависло над ним широкое рябое лицо с огромным красным ртом, похожим

на кровоточащую рану, и, застонав, Баграмов опять потерял сознание.

«Ты кто? Ты кто? Ты кто?» — шумело в ушах, и он метался в горячке, пытаясь закрыться от кровоточащего рта.

В углу чадила лампадка, свет которой выхватывал из темноты лики святых на дешевых бумажных иконах. Маленькие, похожие на бойницы окна были плотно зашторены, а старый пузатый телевизор накрыт вышитой скатертью. Пахло отсыревшим деревом и жареным луком, а за стеной было слышно, как кто-то гремит посудой. Баграмов приподнялся на постели и, откинув одеяло, с удивлением обнаружил, что одет в чей-то спортивный костюм, изрядно поеденный молью. У него ныли простуженные зубы, и каждое движение отдавалось болью в затылке.

Выйдя из комнаты, он попал в кухню, одновременно служившую прихожей. Здесь имелись деревянный стол с двумя длинными скамейками, раковина, кухонный буфет и плита. В беленой печи шумел и потрескивал огонь, на сковороде жарилась картошка. Из второй комнатухи вышла женщина, широколицая и рябая, раскрасневшаяся от жара печки, и Баграмов опять удивился, какой же большой у нее рот.

Стрелки резных настенных часов показывали семь, но семь утра или семь вечера, он не знал.

— Как долго я спал?

Сделав вид, что не слышит гостя, женщина накинула тулуп и вышла в сени. Холодный ветер, словно кошка, проскочил с улицы в дверную щель и окутал ноги Баграмова.

Женщина вернулась с охапкой дров и, пошевелив поленья в печи кочергой, по одному стала подбрасывать дрова в огонь. Ошпарив Баграмова словно кипятком сердитым взглядом, она поставила на столе тарелки, положила картошку, нарезала хлеб и сало и почистила чеснок.

— Поди сюда! — зычно позвала она, сев за стол.

Он опустился на скамью напротив нее и неловко поковырял вилкой в тарелке, стараясь не показывать, что его подташнивает от запаха подгорелого лука и вида толстых, с грязными ногтями, рук хозяйки, на которых белели застарелые ожоги. Поесть через силу все же пришлось — он сильно проголодался.

— У меня машина застряла, — сказал он, стараясь не смотреть на то, как красный рот, жирный от сала, жадно заглатывает куски. — Там, на дороге. — Баграмов неопределенно кивнул.

Женщина протерла тарелку хлебной коркой и, доев за Баграмовым, прибрала со стола.

— Мне нужно позвонить, чтобы за мной приехали, — повысил он голос, когда она, повернувшись к нему спиной, принялась мыть тарелку в тазу с водой. — Я человек богатый, отблагодарю!

Женщина не отвечала.

— Деньги у меня остались в машине, нужно сходить за ними... Ты что, глухая?

Вдруг погасла лампочка, и стало темно. Было видно только, как алеет раскалившаяся печная дверца и липнет к окну любопытная луна, освещающая избу тусклым светом.

— Опять отрубилось. Все из-за метели, — сказала женщина. — Пооди спать, поздно уже.

Значит, уже вечер, подумал Баграмов — он проспал ночь и день.

— Ты меня слышишь или нет? — вспыхнул он. — Мне выбраться нужно отсюда, как можно скорее. Где я могу позвонить?

К ноге прилипла какая-то картонка, и Баграмов, попытавшись отлепить ее, вляпался пальцем в клей и тут же нащупал мышью, пискнущую под его рукой.

— Что, что это такое? — заорал он, выскочив и пытаясь в темноте разглядеть картонку, к которой намертво прилип пальцем. — Что это, мать твою?

Женщина поднесла свечу ближе и нагнулась, чтобы рассмотреть.

— Господи, в мышеловку попал! — затряслась она от смеха, и свеча в ее руке погасла.

— Сними с меня эту дрянь! — истерично крикнул Баграмов. — Сейчас же убери эту пакость!

Взвывая от боли, он сам отодрал картонку от пальца и, сунув его в рот, почувствовал соленый

привкус крови. Надев рукавицы, женщина отлепила картонку от баграмовской пятки, а потом еще долго возилась, пытаясь оторвать от него приклеившуюся мышь, которая пищала и извивалась. Баграмов прикрыл ладонью рот, сдерживая подступившую тошноту.

— Обожди, не мечись, — бубнила женщина, выбрасывая мышь в мусорный мешок. — Похерил мышеловку, одно разоренье от тебя.

Она достала новые куски картонки и намазала их клеем из тюбика, на котором была нарисована мышь. На картонки положила по куску хлеба и разложила мышеловки по углам избы.

— Гляди под ноги, — сердито сказала она.

— Мне нужен телефон. Или полиция.

— Нету здесь никакой полиции, — спокойно ответила женщина. — И отродясь не было.

Чертыхаясь, Баграмов лег в постель и, накрывшись с головой одеялом, пропахшим потом и чесноком, стал думать о доме. «Нашел себе девку, вот и загулял», — наверняка сказала жена, когда не дождалась его назад. Намазалась своим дурацким кремом, от которого становилась скользкой, как обмылок, так что, занимаясь любовью, он всегда боялся, что она выскользнет из объятий, и ушла спать. «Скользкая дура!» — выругался Баграмов под нос, чувствуя злость к жене.

Кровать, заскрипев, просела, когда женщина легла рядом и забралась под одеяло.

— Эй, ты что? С ума сошла? — вскочил Баграмов.

Женщина хмыкнула и повернулась на бок, положив сложенные ладони под щеку.

— Спи, утрем рано вставать, — сказала она, и больше он от нее за эту ночь ничего не услышал.

Баграмов попытался уснуть в кухне, растянувшись на скамейке, но очень скоро у него затекло все тело. Натыкаясь на мебель, он добрался до маленькой комнатки, и, нащупав там пустую детскую кроватку, поежившись от неприятного чувства, словно попал в склеп, вышел, задернув занавеску, служившую дверью. Женщина, встав с постели, поворошила угли и закрыла заслонку, чтобы не уходило тепло. А Баграмов лег на полу у прогретой стены, но так и не смог уснуть и до утра буравил глазами темноту. Он слышал вздохи, перешептывания и странный стук где-то за домом, как будто кто-то колотил в стену. Баграмов даже пару раз подходил к окну и вглядывался в ночь. За шиворот лез неприятный страх, щекотавший спину и холодивший грудь, Баграмов косился на иконы и, хоть и не верил в бога, на всякий случай крестился.

Утром он снял с веревки свою одежду, сушившуюся над печкой, натянул ботинки и, с трудом подняв засов на двери, вышел из дома. Крыльцо занесло снегом. На его ровной глади отпечата-

лись птичьи следы. Разглядев в дальнем конце двора покосившийся деревянный туалет, Баграмов попытался пройти к нему, но увяз в сугробе, провалившись по колено. В щели между заборными досками мелькнуло лицо, рыхлое, сморщенное, как гнилой гриб, и тут же исчезло.

— Эй, ты! — позвал Баграмов. — Эй, иди сюда! Дело есть! Я заплачу!

Ему не ответили.

Он вышел за калитку, еле открыв ее из-за нападавшего снега, и огляделся. Ветхие, покосившиеся набок дома выглядели заброшенными, только из одной трубы шел дым, который стоял недвижимый в морозном воздухе, словно спускался с неба, и казалось, что дом болтается на нем, как на веревке. Дорогу занесло, и по ней не смогла бы проехать машина, если у кого-то из жителей она вообще была.

Из дома напротив вышла старуха, волоча за собой тележку с огромным медным бидоном. Колонка обледенела, и старухе пришлось повозиться, прежде чем вода полилась тонкой струйкой, гулко застучав по дну бидона.

— Доброе утро, — поздоровался Баграмов.

Та стрельнула на него злым взглядом из-под нависшего на лоб платка, и Баграмов поразился, какими бесцветными были у нее глаза. Губ у старухи не было, словно за жизнь она сжевала их, а впалые щеки крест-накрест изрезали глубокие морщины, похожие на шрамы.